

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора исторических наук
Роднова Михаила Игоревича
на диссертацию Марины Давидовны Книги
*«Становление и развитие системы сельскохозяйственного
просвещения в губерниях Европейской России
(90-е годы XIX в. – 1917 г.)»*,
представленной на соискание учёной степени
доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация М.Д. Книги представляет собой междисциплинарное исследование, выполненное на стыке аграрной истории и истории педагогики (народного образования). Основное значение работы – показаны динамика юридического статуса образовательных учреждений сельскохозяйственного профиля за указанный исторический период, а также государственная и общественная политика в отношении общедоступного (внешкольного) просвещения самых широких масс крестьянства, пропаганды новейших достижений агротехнологий.

Диссертация содержит широкий обзор общегосударственной политики в деле открытия и функционирования низших, средних и высших учебных заведений сельскохозяйственного профиля. Автор выявила все законодательные акты, рассмотрела выдвигавшиеся проекты и предложения, ход дискуссий, борьбу общественного мнения.

Одновременно изучены мероприятия регионального (земского) самоуправления, в пределах имевшейся компетенции, также предпринимавшего активные усилия в развитии сельскохозяйственного образования в своих губерниях, а в сфере широкой просветительской работы и открытия заведений низшего звена выступавшего с собственными законодательными инициативами.

Вплоть до 1917 г. М.Д. Книга сумела показать результат реализации принятых мероприятий по всем губерниям Европейской России, провела систематизацию и сопоставление информации по регионам. Автор стремилась проследить конкретные итоги усилий государства, земства и общественности в развитии сельскохозяйственного образования и просвещения.

Собранные сведения о росте числа учебных заведений, выпускников, профессорско-преподавательского состава, количестве выставок, опытных полей и пр. убедительно свидетельствуют о поступательном прогрессе, хотя темпы его современни-

ками (и диссертантом) не признавались удовлетворительными.

Это основной результат диссертации М.Д. Книги. Впервые со времён публикаций статистических сборников Бориса Борисовича Веселовского и В.В. Морачевского в 1900-е гг. научной общественности представлена общая картина политики государства и земства (а также научных обществ и пр.) в области развития сельскохозяйственного образования и просвещения в масштабах самой населённой части Империи (Европейской России), от законодательных инициатив до практического воплощения замыслов в жизнь.

Это главное практическое значение труда М.Д. Книги. За последние десятилетия наблюдается немалый интерес к истории аграрного просвещения и образования на рубеже XIX – XX вв., как в работах и диссертациях по земской тематике, так и в специальных исследованиях, особенно активных в регионах центрального Черноземья.

Но практически все работы посвящены либо локальным исследованиям на губернском уровне, либо с охватом нескольких сопредельных, типологически близких регионов. А нужна общая картина, как в высших сферах Санкт-Петербурга понимался и решался вопрос сельскохозяйственного образования, вплоть до позиции императоров, глав кабинета, министров просвещения.

Это самая востребованная часть диссертации М.Д. Книги. Полезно и интересно научной общественности будет увидеть сопоставительный материал, широко представленный как в тексте диссертации, так и в приложениях. Понять «место» своего региона, его отличия от других, наличие особенностей – всегда важно, особенно при сохраняющейся «замкнутости» нынешних региональных историографий, когда современные границы субъектов Федерации, не говоря уже о новых государственных рубежах на постсоветском пространстве, переносятся в исследования прошлого единой Империи.

Под основную цель диссертации выстроена и источниковая база, которая показана во введении. Автор, что редко в современной историографии, весьма активно использует материалы ПСЗ (Полного свода законов Российской империи).

Серьёзная работа была проделана при обследовании центральных (включая московский городской) и региональных архивов. Автору удалось поднять редкие и любопытные фонды. Из областных представлены только четыре архива центрального Черноземья (Воронеж, Орёл, Тамбов, Курск). Несмотря на заявленный общероссийский объект изучения, автору пришлось ограничиться только своим и соседними регионами, что естественно и не может восприниматься как недостаток диссертации.

Аналогичный характер имеет корпус привлечённых статистических (государственных и земских) сборников / изданий. Автор концентрирует внимание на обобщающих трудах, в первую очередь Морачевского, Веселовского, Губского. Охватить огромный массив главным образом региональной земской литературы, где в той или иной степени затрагивались вопросы сельскохозяйственного образования и просвещения, по всей Европейской России было бы крайне сложно.

Это создаёт определённые издержки, так как основные монографии упомянутых выше авторов были опубликованы около 1910 г. и последнее предвоенное пятилетие, следовательно, было освещено ими слабее. Невозможность привлечения всей провинциальной литературы породила неточности. Например, Уфимское землемерное училище (стр. 327) продолжало существовать вплоть до 1917 года, действует оно и поныне в виде Уфимского лесотехнического техникума¹.

Скромно использована автором периодическая печать, в первую очередь многочисленные специализированные сельскохозяйственные издания (газеты и журналы), хотя в основном именно на этих источниках были созданы две монографии С.А. Козлова по нечернозёмным губерниям.

Мои замечания по источникам следует относить не к недостаткам диссертации, а к естественным издержкам. Они всегда присутствуют в любых обобщающих работах. Тем более, когда за подобный сюжет берутся провинциальные историки, материальные возможности которых принципиально отличаются от столичных авторов.

В условиях кризиса современных научных центров (Москва и Санкт-Петербург), которые и должны реализовывать подобные проекты, нельзя не отметить замысел и размах выдвинутых задач регионального историка. Мои соображения об «издержках» диссертации лучше учитывать как пожелания для будущих исследований.

Неоднозначное впечатление оставляет историографический раздел введения. По-моему, давно пора перестать воспринимать земскую (дореволюционную) историографию как разновидность источника. Это полноценные научные исследования, это наши собеседники, соратники, с которыми мы через века ведём диалог. Вряд ли И.А. Стебуту понравились бы выводы М.Д. Книги на

¹ См.: *Фархшатов М.Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1994. С. 136; *Буравцов В.Н.* Уфимские гимназии и средние специальные училища (очерки по истории учебных заведений Уфы первой половины XIX – первой четверти XX в.). Уфа, 2013. Гл. V; др.

стр. 8 – 9, фактически обвинившей далёких предшественников в непонимании многогранности явления и даже отсутствии «глубоких теоретических основ». Иван Александрович обратил бы внимание автора, например, на страницы 212 – 214 диссертации, где идёт пересказ Веселовского (7 цитирований из 10). Труды дореволюционных авторов лидируют в научно-справочном аппарате диссертации.

Раздел по советской и современной историографии также я бы не отнёс к лучшим страницам работы. Историография в принципе выстроена неверно. Автор комплиментарно перечисляет общие труды по аграрной истории, видимо, стремясь убедить в своём знакомстве с литературой. А тема данной диссертации вполне конкретна!

Какое отношение к диссертации имеет, к примеру, Б.Г. Литвак, которому посвящён целый абзац на стр. 10? Он изучал сельскохозяйственное образование / просвещение? Включаем поисковик: на стр. 50 Литвак упоминается в общей сноске, на стр. 78 автор решила именно из него процитировать гоголевскую тройку и... далее уже список литературы.

А специальные работы, например, З.Д. Ясмана и др. (стр. 13) вообще не анализируются, даются единой ссылкой. Это же встречаем и при анализе современной историографии.

На стр. 17 узнаю, что, оказывается, существует достаточно обширная курско-воронежско-белгородско-тамбовская историография непосредственно по теме работы М.Д. Книги, от диссертаций до статей и монографий. Если О.Ю. Елина удостоилась отдельного анализа, то А.В. Третьяков заслужил четыре строчки (стр. 19), В.Н. Плаксин – три (стр. 20). А они тоже прямые предшественники!

Вместо того чтобы перечислять общеаграрные издания (из двух монографий А.А. Курёнышева в концевой список литературы попала почему-то только одна), автору следовало бы подробно показать достижения местной историографии. В деталях познакомить читателя, что уже сделано, каковы результаты. Мне бы это было интересно, я подробно здешнюю историографию не знаю. А знакомство с внушительным списком местной литературы приводит к пониманию, почему М.Д. Книга выбрала общероссийскую тематику с юридически-правовым уклоном. По всей видимости, данная диссертация и появилась благодаря многолетним изысканиям местных историков, представляя собой логическое завершение историографического процесса.

Основное содержание диссертации изложено в четырёх главах. Особенностью труда является постоянное хронологическое «сползание» в предшествующие эпохи, вплоть до седой ста-

рины. Видимо, автор увлекается периодизацией. На стр. 32 диссертант предлагает этапы, как всегда в России, в основном совпадающие с эпохами конкретных императоров.

В главе первой «Факторы становления системы сельскохозяйственного просвещения» ключевое значение имеет первый параграф. Это своеобразное теоретическое вступление, программное изложение взглядов автора. Думаю, что это верный ход. При современном разномыслии на пореформенную эпоху, действительно, надо чётко указывать читателю, на чьей ты стороне, каких позиций придержишься.

Автор – сторонник концепции Л.В. Милова, вообще литературой владеет, знакома с дискуссиями, в целом диссертация выдержана в сдержанных, уравновешенных формулировках, автор старается избегать крайностей, старается.

Диссертант совершенно верно отмечает, что налоговая нагрузка в центре была выше (стр. 46 – 47), приемлет терминологию «голодный экспорт» (стр. 48 – 49), с чем нельзя не согласиться. Любое правительство сначала должно накормить собственный народ и по всей стране. В общем особенности аграрного производства и проблемы пореформенного хозяйства М.Д. Книга понимает, с моей точки зрения, правильно.

Зато второй и третий параграфы первой главы удивили. Впервые в докторской диссертации столкнулся с научно-популярным фрагментом, своеобразной просветительской лекцией, переходящей в простое повествование по образцу устной речи без научно-справочного аппарата. Профессия педагога сказала, скорее всего.

Но даже при беглом обзоре предыстории можно было привлечь больший корпус вышедших работ. Например, ряд исследований опубликован по истории Константиновского землемерного училища, затем межевого института¹.

Обзорное повествование, между прочим, требует чёткой логичной структуры. Какое отношение к теме диссертации имели законы 1801 и 1803 гг., не ясно (стр. 73). Крайне тезисно показан период 1860–1880-х гг. Власть вообще забыла о сельскохозяйственном образовании и просвещении?

Наконец, с первых глав бросается в глаза оформление научно-справочного аппарата. Внутри параграфов допустимо и логично прибегать к сокращениям повторных сносок, типа: Указ. соч. Автор полностью приводит выходные данные в каждом случае. На стр. 218 две сноски на один и тот же источник

¹ См., напр.: Волков С.Н., Широкоград И.И., Рыжкова Е.В. Первый директор Межевого института / Под ред. С.Н. Волкова. М., 2016; др.

идут подряд.

Собственно научный материал, основное содержание диссертации показаны в главах второй, третьей и четвёртой. Автор последовательно раскрывает формы аграрного просвещения: чтения, беседы, консультации, библиотеки, печатные издания, выставки, образцовые (показательные) поля, демонстрацию новинок, склады и прокат техники, экскурсии и т. д.

В этих главах диссертант показывает итоги своих многолетних исследований в архивах и библиотеках, демонстрирует свою квалификацию. Это строго научный текст, соответствующий требованиям к докторским диссертациям.

Автору удалось создать убедительную картину развития внешкольного просвещения, низшего, среднего профессионального и высшего сельскохозяйственного образования с 1890-х гг. до 1917 г. Верно выделены ведущие вузы России, последовательно прослежена эволюция законодательной базы, вплоть до анализа ведомственных инструкций.

С моей точки зрения, М.Д. Книге удалось решить заявленные в начале работы основные положения, аргументированно их обосновать. В целом работа состоялась.

В этих трёх главах табличный материал вынесен в приложения, что затрудняет восприятие материала. Обильные таблицы в конце диссертации содержат большой и наглядный объём фактических данных. По-моему, они лучше бы смотрелись внутри самого текста.

Заключения в конце глав и итоговое вполне убедительны. В целом всё логично, хотя у автора проскальзывают популистские нотки, свидетельствующие о смещении устной лекции педагога и научного академического текста. Так, на стр. 336 М.Д. Книга озадачила утверждением, что «выпускники сельскохозяйственных школ оказали большое влияние на формирование у крестьян рационального отношения к земледелию».

По-моему, это ещё никто не доказал. Чтобы утверждать подобное, надо взять деревню, куда вернулся выпускник, и сравнить экономические показатели (площадь посева, состав культур, урожайность и пр.) по деревне до и после возвращения инноватора. Я даже не представляю, по каким источникам это можно сделать.

Принципиальный момент по последним трём главам один. Перед любым образованием стоят три основные проблемы: 1) кого учить, 2) чему и как учить и 3) для чего учить.

Вот последний вопрос в диссертации показан весьма туманно. Акцент в диссертации сделан на мелкое хозяйство (крестьянское), его надо было просвещать и образовывать, хотя в за-

головке работы не говорится, что она будет посвящена только крестьянству.

Фрагментарно в диссертации всплывает крупное (помещичье, дворянское) хозяйство. Но именно дворяне образовывали общества (МОСХ), в дворянские экономии преимущественно шли подготовленные кадры из всех типов сельскохозяйственных учебных заведений (стр. 277, 284 и др.). Вообще проблема профориентации всплывает в тексте эпизодически (стр. 314). Даже столыпинская реформа мало что поменяла.

На стр. 348 автор вслед за источником признаётся, что МСХИ в 1908 г. «по-прежнему ориентируется на подготовку специалистов для крупных хозяйств». А зачем они вообще были нужны в мелких крестьянских подворьях? Кстати, и гуманистические сентенции о необходимости всеобщей грамотности соответствовали ли действительности? Зачем в традиционной общине мужику грамоту знать? Какая в этом польза?

В диссертации я вижу народнические отголоски. Кто в действительности был носителем агротехнического прогресса в сельском хозяйстве? Только крупный агробизнес, помещичьи, дворянские, купеческие латифундии, позже крупные крестьянские хозяйства фермеров-кулаков. В диссертации это изредка прорывается, например, когда М.Д. Книга говорит о сахарозаводчиках (стр. 221 – 223 и др.).

Автору удалось найти единственное свидетельство о консерватизме помещиков (стр. 265 – 266), не случайно, что очень поверхностно показана механизация сельского хозяйства. Машины и усовершенствованные орудия покупали почти исключительно крупные землевладельцы.

Может запросы крупного агробизнеса рубежа XIX – XX вв. система сельскохозяйственного обучения вполне удовлетворяла? Больше и не требовалось? Только со столыпинской реформы новые и опять-таки крупные хозяйства (кооперативы и фермеры) создали дополнительный рынок для специалистов.

Мой многолетний опыт изучения аграрного строя Южного Урала свидетельствует, что в помещичьих хозяйствах действительно трудилось немало специалистов, окончивших различные сельскохозяйственные заведения. В крестьянских подворьях не встречал ни одного. Интерес к инновациям в 1900-е гг. проявляла почти исключительно фермерско-кулацкая прослойка.

Самая большая по объёму вторая глава диссертации однако не содержит никаких ясных свидетельств результативности «внешкольного» аграрного просвещения. Инновации в деревню проникали, когда возникала экономическая потребность, а не когда интеллигенты обществ и школ понаоткрывали.

Не случайно в диссертации скромно представлено нечерноземье. Знаменитых ростовских огородников заморские культуртрегеры или доморощенные просветители не учили. Они сами добивались таких результатов, что их специально с петровских времён переселяли, чтобы овощами кормить Северную Пальмиру. Этот очаг народной высокой культуры агротехники в диссертации не упоминается ни разу!

Диссертант совершенно справедливо на первое место поставила и отвела самый большой объём, так называемому, внешкольному образованию. Восприятие инноваций совершенно не требует диплома, что подтверждает современная система непрерывного обучения (через несколько лет курсы переподготовки). Систему образования форматирует экономическая потребность.

Диссертация М.Д. Книги «Становление и развитие системы сельскохозяйственного просвещения в губерниях Европейской России (90-е годы XIX в. – 1917 г.)» соответствует требованиям, предъявляемым Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ к докторским диссертациям, автор заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Роднов Михаил Игоревич

«3» мая 2018 г.

Рабочий адрес: 450054, г. Уфа, пр. Октября, 71

Тел.: + 8 (347) 235-60-77

e-mail: rodnov@ufacom.ru

Подпись *Роднов М.И.* зав. канцелярией ИИЯЛ УФИЦ РАН

Дата 03.05.18 г.

Бамбурина А.Г.

